

П.А. СТОЛЫПИН: СРЕДА РЕФОРМ

Кардинальный принцип «Политики» Аристотеля: «Необходимо, чтобы целое предшествовало части», как нельзя более четко выражает суть преобразований П.А. Столыпина [1, с. 15–25]. Предшественники П.А. Столыпина, в их числе и С.Ю. Витте, полагали возможным решить стоящие перед Россией задачи реформированием отдельных частей ее устройства. П.А. Столыпин выдвинул и реализовывал план политического, социального, экономического, вероисповедного преобразования страны на традиционной национальной основе: создание правового государства и гражданского общества, органическое взаимодействие исполнительной, представительной, судебной власти, формирование уездных органов власти, реформа местного самоуправления и введение мелкой земской единицы, становление мелких самостоятельных собственников, самодостаточных субъектов экономической, социальной, политической и духовной жизни страны. В первую очередь – это владельцы мелкой земельной собственности, крестьян [2, с. 197–201, 203–209]. По своей сути это программа либерального консерватизма, по определению В.В. Леонтовича, истинного либерализма [3, с. 22]. Ее реализация была связана не с традиционной этикой православного исихазма великоросса, как дворянина, так и пахаря, а этикой либерального консерватизма, которую применительно к странам Западной Европы М. Вебер называл этикой протестантизма.

Какова же была среда реформ, иными словами, географические и климатические, социальные, экономические, вероисповедные, государственно-политические, этнические условия? Исторические события разворачивались преимущественно и главным образом на необозримых просторах Восточно-Европейской равнины, природа которой была для великороссов мачехой. С одинакового по площади участка в Западной Европе выход биомассы в 2–2,5 раза больше, чем в России. Не было гор, естественной защиты от соседей; не было (до второй половины XVIII в.) теплых морей, условий успешной торговли. Трудные климатические, естественно-географические условия сказывались на образе жизни великорусской нации, особенностях ее государственности и истории [4, с. 5–30, 554–572; 5, с. 71–74].

В начале XX в. Россия была патриархально-патерналистской самодержавно-православной монархией традиционалистского типа. В ней не было имперских представительных учреждений, политическая партий-

ная деятельность жестко преследовалась. Органы местного сословного и сословного самоуправления действовали в пределах уезда и губернии. Простонародье традиционно являлось объектом государственного попечительства. Только дворянству дозволялось выступать субъектом в определенных имперской властью границах.

Преобразование началось в ситуации крайнего обострения Смуты, индикатора неустроенности. «В настоящее время государство у нас хвораёт», – говорил в мае 1907 г. П.А. Столыпин. В марте 1911 г. он с полным основанием констатировал, что смута политическая питалась смутой более серьезной, смутой социальной, «которая вскормила и вспоила нашу революцию». Смута дала сильнейший импульс выдвижению планов преобразования и одновременно крайне затрудняла их реализацию. Кроме бунтов, бедствием были убийства и грабежи. Официальная статистика зафиксировала только в 1907 г. 11 026 посягательств на жизнь: 3487 террористических покушений и 7539 покушений с грабежами [6, л. 17–18]. «Каждый божий день по несколько убийств, то бомбами, то из револьвера, то ножом и всякими орудиями; бьют и бьют, чем попало и кого попало... Надо удивляться, как еще не всех перестреляли нас», – писал С.В. Зубатову в 1907 г. Е.П. Медников. В Государственной думе левые и кадеты консолидированно выступали против осуждения террора революционеров и требовали осудить «правительственный террор». Октябристы призывали осудить террор и революционеров и правительства. За пять лет П.А. Столыпин покончил с этой бедой. Одну часть террористов и грабителей («экспроприаторов») приговорили к смертной казни, тюремному заключению и каторге, другая была дезорганизована. Главное, последовательными преобразованиями Столыпин изолировал убийц и грабителей от общества [7, с. 111; 8, с. 175–176].

Самым активным субъектом Смуты была интеллигенция, часть интеллектуальной элиты страны. Эта не явно выраженная социальная страта, эксплицитно ориентированная на западный образ жизни и западную культуру, была привержена специфической идеологии и морали. Русская интеллигенция противопоставляла себя власти, ее институтам, идеологии, объекту служения, исповедовала космополитизм и атеизм. Свои корпоративные интересы она эксплицитировала как общенациональные и сообразно с возложенной на себя функцией полагала, что реципиентом ее интересов и представляемой ею западной культуры должен стать народ. Интеллигентская семантика со свойственной ей редукцией и сциентизмом усваивалась и высшими стратами, включая царскую фамилию. Интеллигенция определяла лицо либеральных и радикально-либеральных партий и обще-

ственных организаций. Монархизм, а уж тем более самодержавие, вызывали у нее своего рода идиосинкразию [9, с. 393–412].

Характерная особенность российской государственности заключалась в концентрации светской и духовной власти, гигантского экономического потенциала. Реформы в императорской России проводились только по воле и при поддержке императора. Николай II воспринимал власть как тяжкий крест, возложенный на него всевышним, как долг, который следовало, таков был кодекс чести, неукоснительно исполнять, преодолевая личные желания и минутные слабости. Он был по-романовски упрям, но скрытен, умел держать себя в руках, не проявлять на людях эмоции, благоволил тем, кто, по его мнению, приносил пользу России, поддерживал преобразования П.А. Столыпина. Отношения премьер-министра и государя априори не могли быть благобно бесконфликтными. Каждый из них имел собственное мнение о настоящем и будущем России. Согласно апологетической литературе последних лет, в дуэте Николай – Столыпин премьер был первой скрипкой, император либо послушно следовал за ним, либо мешал, а в конце концов, «предал» его, «изменил» ему. Сам П.А. Столыпин считал, что царь – «хозяин», а он – «приказчик». Во время аудиенции 5 марта 1911 г. Столыпин, почувствовав, что Николай II верит наущениям правых, что премьер его заслоняет, становясь между ним и страной, «решительно заявил об уходе, так как понял, что мне больше нет опоры». Примечательно следующее место из его записи: «Ведь не могу же я, министр внутренних дел, искать поддержки в общественных течениях... У нас нет парламентаризма». «Мне его искренне жаль! – передавал свои впечатления от аудиенции Столыпин. – Он верит мистицизму, слушает предсказания, думает опереться на правых». И заключал: «Больше всего мне жаль государя». На энергичные упреки премьера во время аудиенции царь не отвечал, «а только плакал и обнимал» его и повторял, что ему «нет замены» [10, с. 101–102].

Думается, нуждается в некоторой коррекции мнение, что после мартовского кризиса 1911 г. Николай II полностью охладел к Столыпину и только дожидался момента, чтобы отправить того в отставку. 31 марта 1911 г. император ободрял своего премьера: «Желаю Вам завтра, Петр Аркадьевич, в Государственном совете спокойствия духа и полного успеха». 10 апреля, наградив Столыпина орденом Святого Александра Невского, Николай II писал в рескрипте о «совершенном моем благоволении», «Пребываю к Вам неизменно благосклонный Николай». Столыпин получал регулярные аудиенции, посещал совместно с императором концерты [11, с. 355–356]. В мае 1911 г. он деятельно работал над проектами дальнейших преобразо-

ваний. Ярый противник Столыпина В.П. Мещерский, который всегда обладал доподлинной информацией о настроениях высших сфер, 23 августа 1911 г. отмечал в «Дневниках»: «На днях в Киеве ожидается торжественное, так сказать, утверждение к жизни нового положения о земстве в Западном крае. Главным деятелем и представителем идеи этого торжества будет П.А. Столыпин». Правые с раздражением, но в один голос твердили, что в Киеве Столыпин торжествовал [12, с. 205–218]. Сам П.А. Столыпин 28 августа 1911 г. писал о встрече с земскими депутациями шести губерний: «Мое впечатление – общая, заражающая приподнятость, граничащая с энтузиазмом. Факт и несомненный, что нашлись люди, русские, настоящие люди, которые откликнулись и пошли с воодушевлением на работу. Это отрицали и левые, и крайне правые» [13, с. 613]. Надо думать, царь после мартовского инцидента на время охладил к премьер-министру, досадовал на него, возможно, у него возникало желание заменить его. Но нет фактов, свидетельствующих о его решении изменить правительственный курс, о появлении достойной замены Столыпину. Нелишне напомнить, что Николай II не медлил расставаться с теми министрами, в которых разочаровывался. Молниеносную отставку получил П.Д. Святополк-Мирский, на которого император поначалу возлагал большие надежды; С.Ю. Витте, выдающийся государственный деятель; И.Л. Горемыкин, к которому Николай II был расположен; В.Н. Коковцов. Список этот можно продолжить.

Мария Федоровна, великий князь Николай Михайлович и некоторые другие члены царской фамилии поддерживали П.А. Столыпина. Были среди членов царской фамилии, особенно служивших по военному ведомству, и противники Столыпина. Большинство придворных неприязненно относились к «провинциальному выскочке» и строили ему козни. Во время торжеств в Киеве в 1911 г. придворная челядь выказывала пренебрежение премьер-министру. Но это особый сюжет.

В пореформенной России распад традиционного образа жизни дворянства сопровождался деформацией традиционного мирозерцания, идентичности, неуверенностью в завтрашнем дне. Дворяне начала XX в. – это дети и внуки тех, кто в 1861 г. беспрекословно выполнил волю императора. Эти поколения выросли в другой обстановке, чем их отцы и деды, они испытывали сильнейшее воздействие сциентизма и редукции. Их деды, подобно пушкинской Маше Мироновой, обращались к сакральной власти только за милостью, они же решительно напоминали императору об исторических заслугах дворянства в создании государства, требовали сохранить и не умалять их сословные права. Сановно-придворный мир к началу XX в. уже настолько «эмансипировался», что многие воспринимали

царя как, в первую очередь, человека. Сакральное восприятие царя уходило в прошлое. Монархическое сознание дворянства подвергалось коррозии [14, с. 84; 15, с. 15–20]. Дворянские собрания, Совет объединенного дворянства, правые в Государственном совете были оплотом оппозиции преобразованиям и выдвигали собственную экономическую и политическую программу, программу консервации России. Дворянская корпорация противопоставляла органы власти царю, без пиетета относилась к власти исполнительной («дряблая», «слабая духом, энергией, волей») и тем более законодательной (в первую очередь Государственная дума), атаковала премьер-министров, Совет министров. Витте обвиняли в измене, Горемыкина ругали за бездействие, Столыпина – за измену дворянству. Особенно болезненно реагировала дворянская корпорация на программу преобразования местного управления и самоуправления, суда, воспринимая их как ликвидацию исторической роли дворянства. При этом четко декларировалось отрицательное, скорее, враждебное отношение к агентам власти, бюрократам и чиновникам, которые должны были заменить предводителей дворянства, земских участковых начальников. Правые упрекали Столыпина в стремлении «купить» институт предводителей дворянства и превратить его в послушный бюрократический механизм. Из столыпинской программы преобразования России дворянская корпорация, поддерживала только реформу общины и поземельных отношений крестьянского землевладения [16, с. 296–299].

Самое многочисленное и бесправное сословие, крестьяне, после освобождения от крепостного права в глазах властей представляли исключительно объектом попечения. Они озаботились предотвращением «язвы пролетариата», разорения крестьянства, сохранения общины. Семантически власть, дворяне, интеллигенция говорили на другом языке, нежели крестьяне. Факт этот убедительно показала русская очерковая литература. Крестьянство жило в вере Богу, царю и согласно традициям. Великорусский крестьянин сумел приспособиться к новым условиям. Его положение в конце XIX начале – XX в. заметно улучшилось: росла урожайность хлебов, уменьшалась смертность. Но в центре страны экстенсивный путь сельского хозяйства был исчерпан. Все земли были заняты, все, что можно, распаханно. Половина великорусского крестьянства имела недостаточный надел и проживала в зоне критического земледелия. В начале XX в. деревня была преимущественно молодой, большинство ее не знало крепостного права. Индустриализация и торговля, новые транспортные связи, отхожие промыслы, рост грамотности меняли облик деревни, она открывалась миру [5, с. 38–80].

Увеличение обездоленной части деревни и недоимок, участие общин в крестьянских бунтах стимулировали разработку аграрных проектов С.Ю. Витте, А.И. Кривошеиным, В.И. Гурко, которые рассматривали состояние деревни вне связи со всем комплексом проблем. Иначе подходил к решению проблем П.А. Столыпин. Оздоровление крестьянства Столыпин связывал с общим переустройством России. Основные моменты намеченной и проводимой им реформы аграрного строя, на наш взгляд, таковы: задачи ближайшего времени – «помощь крестьянству», которое «хиреет», «завядает» (ослабление земельного голода, увеличение и упорядочение крестьянского землевладения); вместе с этим и вслед за этим расчистка почвы для становления крепкой мелкой личной земельной собственности (освобождение от общины, переход от семейной к индивидуальной земельной собственности, землеустройство); стратегическая задача – создание многомиллионной массы мелких земельных собственников, субъектов хозяйственной, общественной и государственной жизни. Мелкий земельный собственник, подчеркивал реформатор, «трудолюбивый, обладающий чувством собственного достоинства, внесет в деревню и культуру, и просвещение, и достаток»; он, в полном смысле, «кузнец своего счастья». «Ни закон, ни государство не могут гарантировать его от известного риска, не могут обеспечить его от утраты собственности, создавать помехи его самодеятельности». Это – четко выраженная этика консервативного либерализма. Если этика русского православия заключалась в максиме «бедность – не порок», то по Столыпину «бедность – худшее из рабств» [2, с. 205–209, 241–242; 13, с. 174].

Первые годы аграрной реформы характеризовались активным выходом крестьян из общины, с 1911 г. на первый план вышло землеустройство. Темпы аграрной реформы не только не замедлились, но возросли. Реализация аграрной реформы была связана с формированием новой этики, уходом от многих традиционных представлений, изменением образа жизни. Воплощение ее требовало длительного промежутка времени, жизни не одного поколения. Согласно исследованиям последних лет, переход от общинной собственности к личной не повлиял на образ жизни великорусского крестьянина, который всегда пользовался пахотной землей индивидуально [5, с. 195, 203–205, 298].

Реформы местного управления, самоуправления и суда способствовали превращению власти из вертикали в пирамиду с чрезвычайно широким основанием, становлению мелкого собственника, включению его в общественную и государственную жизнь, вели к становлению бессловесного управления, господству права и закона, исключали особую роль дво-

рянства. Именно поэтому они вызвали отторжение, яростное сопротивление дворянской корпорации и правых.

Цель всеобъемлющей программы преобразований П.А. Столыпина – становление великой, процветающей, благоустроенной державы на принципах консервативного либерализма ненасильственными методами. Реформировалась эта Россия, при этом царе, с этим бюрократическим аппаратом, этими исполнительной и законодательной властью, судом, которые должны были адаптироваться друг к другу, создать органичную систему. Программа учитывала перспективные интересы дворянства, крестьянства, промышленников, других социальных групп, включала решение проблемы вероисповедного неустройства. Реформатор стремился создать условия роста консервативно-либеральной среды, которая при его жизни была незначительна. Не случайно исследователи затрудняются назвать имен «птенцов» этого «гнезда Петрова». Одни утверждают, что у Столыпина не было действенных единомышленников и он был одинок, другие говорят, что он «приступил к созданию своей команды», не называя при этом ни одной фамилии.

П.А. Столыпин до последних дней сохранил веру в избранный им путь. За несколько дней до рокового выстрела он с воодушевлением писал: «Меня вела моя вера, а теперь и слепые прозрели» [13, с. 613].

Библиографический список

1. Аристотель. Политика // Аристотель. Сочинения. Т. 4. М., 1983.
2. Столыпин. Жизнь и смерть. Саратов, 1997.
3. Леонтович В.В. История либерализма в России. 1762–1914. М., 1984.
4. Милов Л.В. Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. М., 1998.
5. Тюкавкин В.Г. Великорусское крестьянство и столыпинская аграрная реформа. М., 2001.
6. ГАРФ. Ф. 102. ДП ОО. Оп. 1907. Д. 80. Т. 1.
7. Козьмин Б. С.В. Зубатов и его корреспонденты. М., 1928.
8. Леонов М.И. Террор и Смута в Российской империи начала XX в. // Вестник Самарского университета. 2007. № 5/3 (55).
9. Успенский Б. Русская интеллигенция как специфический элемент русской культуры // Успенский Б. Этюды о русской истории. СПб., 2002.
10. П.А. Столыпин. Грани таланта. М., 2006.
11. П.А. Столыпин. Биохроника. М., 2006.
12. Бородин А.П. Столыпин. Реформы во имя России. М., 2004.
13. Столыпин П.А. Переписка. М., 2004.

14. Боханов А.Н. Святая царица. М., 2006.
15. Колоницкий Б. «Трагическая эротика»: образы императорской семьи в годы Первой мировой войны. СПб., 2010.
16. Корелин А.П. Петр Аркадьевич Столыпин // Российские реформаторы конца XIX – начала XX вв. М., 1995.

Е.П. Барина

*Самарский институт Российского государственного
торгово-экономического университета*

П.А. СТОЛЫПИН И ОБЪЕДИНЕННОЕ ДВОРЯНСТВО О ФИНЛЯНДСКОМ ВОПРОСЕ

Взаимоотношения российского центра с национальными образованиями на рубеже XIX–XX вв. в последнее время привлекают особое внимание исследователей, что связано с попыткой поиска моделей структуры отношений «центр – провинция». Вопрос о правомерности и юридических основаниях для вмешательства царского правительства в дела Финляндии активно обсуждался юристами как в дореволюционной России, так и в Финляндии [5; 6; 7; 8; 16; 17]. Представление финского народа о России как о государстве-угнетателе во многом определялось политикой царского режима в отношении Великого княжества Финляндского. В 90-е гг. XIX в. перед русским правительством встал вопрос, явившийся одним из основных в последующие десятилетия: обеспечение безопасности Санкт-Петербурга со стороны финской границы [10, с. 264–277]. На рубеже XIX–XX столетий началось введение в действие на территории Финляндии некоторых общеимперских норм, расширение прерогатив генерал-губернатора, назначение на административные посты в княжестве русских, что привело к снижению финляндской автономии, активизации общественно-политического движения в Финляндии и росту антиправительственных настроений. В сознании финского народа этот процесс ассоциировался с угнетением, поэтому-то 90-е гг. XIX в. – 1905 г. и получили название «первого периода угнетения». Попытки русского правительства вновь ликвидировать финляндскую автономию в 1908–1911 гг. («второй период угнетения») были вызваны стремлением распространить правотворческую деятельность новых государственных учреждений на территорию Финляндии [16; 17]. В дальнейшем в финской историографии это явление предпочитали называть «русификацией» или «унификацией» [10, с. 280].